

ИРОНИЯ КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ

Пчелинцева М.А.

*Камышинский технологический институт (филиал)
ГОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет», Камышин,
Pchela.76@mail.ru*

На материале художественных произведений, публицистики, писем и мемуаров русских писателей-эмигрантов первой волны описаны наиболее характерные иронические приёмы как средство проявления критической оценки революции и её деятелей.

Ключевые слова: рефлексия, ирония, языковая игра.

Наше исследование посвящено анализу форм и способов языковой оценки революционной эпохи, отражённой в творчестве русских писателей-эмигрантов первой волны. С начала 20-х годов оценки в эмигрантской литературе складывались: 1) из неприятия нового, «революционного», 2) из критики искажений, возникших в языке эмиграции [7].

Язык «революционной эпохи» и революционная действительность оцениваются представителями русского зарубежья крайне отрицательно. Оценка реализуется двумя основными способами: рефлексивным и нерефлексивным (на уровне лексической семантики слова). Классифицируя рефлексивы по цели, мы выделили комические и некомические. Последние реализуются в нашем материале в формах метаязыкового комментария, метаязыковой интерпретации и имплицитных рефлексивов, в которых отсутствует вербально выраженный автокомментарий [14]. Особый интерес представляет комическая рефлексия, которая реализуется с помощью иронии и языковой игры. В данной статье мы рассмотрим иронию как вид комической рефлексии в творчестве писателей-эмигрантов первой волны.

Ирония (в переводе с греч. — при творство) — троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого вы-

сказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики [17]. Писателями-эмигрантами широко используются разнообразные иронические приёмы: ироническое употребление слов положительной и отрицательной оценки (такие иронизмы выделяет, например, Ермакова [9]); приём абсурдного вывода; приём иронической маски; преуменьшение явно отрицательной характеристики; сопоставление газетной фразеологии с бытовыми реалиями; утверждение абсурда в качестве известной истины; приём иронического поощрения; двойное наименование одних и тех же людей, предметов, явлений; отрицание очевидной негативной характеристики; приём иронического сравнения.

Частотным является приём, основанный на **ироническом употреблении оценочных слов** (положительных и отрицательных). Положительная оценка используется для выражения сомнения в соответствии лица его профессии или занимаемой должности: *В русской литературе теперь только «гении». Изумительный урожай! Гений Брюсов, гений Горький, гений Игорь Северянин, Блок, Белый [3]; И смешно, до чего нехитёр был механизм этой машины. Во главе стояли люди, не имевшие к литературе ни вкуса, ни интереса. Сначала Светлов, извест-*

ный «знаток» балета. Потом некто «Эйзен», очень корректный и благовоспитанный господин, но искусству вполне посторонний [12].

В роли иронизмов с негативной оценкой используются слова из официального языка, обозначающие «врагов» советской власти: Кузина села за рояль, начались танцы. Приехали ещё два **недорезанных помещика** [10]; Какие были **буржуи** — торговцы, лавочники, доверенные, — давным-давно или разбежались или были использованы, как ответчики, за другие контрреволюционные выступления в Москве и в Петербурге. Но надо же как-нибудь: так — никого — невозможно! И пришлось отобрать из «**нетрудового элемента**»: взяли пятерых учителей, больше некого [15]; Уйдёт в станционную мужскую комнату тёмная личность с чемоданчиком, а выходит из мужской комнаты совершенно ясная личность — адвокат, помещик, **гидра контрреволюции**, с гладко причёсанной головой в чистом воротничке, несёт рукой в перчатке тот же чемоданчик [18].

Следующий иронический приём, часто используемый в эмигрантских текстах, можно назвать «**абсурд под видом нормы**». Он представлен двумя разновидностями. Первая — **утверждение абсурда в качестве известной истины**. Для этого используется специфическая модель сложноподчиненного предложения: в главной части конструкции типа *доказано, что...*, *обнаружено, что...*, *вынесена резолюция, что...*, в придаточных изъяснительных содержатся нелепые утверждения: *Совсем недавно беспощадный ослепительный прожектор «Русского знамени» перешёл с газет на частных лиц, попал на меня, осветил все мои дела и поступки и **обнаружил, что я**, в качестве еврействующего журналиста, тоже подкупен и — продаю отчизну оптом и в розницу, систематически ведя её к распаду и гибели [2]; С нетерпением ожидаю статью в «Московской правде»: «Слухи о том, будто тов. Троцкий, обернувшись курицей, выдаивает по ночам молоко у советских ковров (совкор), конечно, оказались вздорны-*

*ми. Коммунистической наукой давно доказано, что обращаться курицей могут только вредные элементы из гидры реакции» [13]; Так вот, на Пасху в Москве у Гужона — рельсопрокатный завод — устроили собрание с антирелигиозными целями от какой-то безбожной ячейки. А выступал докладчиком сам нарком А.В. Луначарский. И по окончании речи (часа два) **выносятся** единогласно через поднятие рук **резолюция, что** ни Бога, ни Светло-Христово Воскресенья нет и быть не может, пережиток [16].*

Вторая — **приём абсурдного вывода**: *Начался учёт, и по анкетам вышло, что лавочник Микляев — «лавочник» — буржуй, и, как «паразитический элемент», попал он в особый список и должен был отбывать «общественные работы» [15]; За последние дни гипсовый Пушкин не без изумления выслушал, как «единогласно» **исключили из Союза Писателей Бориса Пастернака**. Повод удивительнейший. **Получил Нобелевскую премию** [11]; Статья Троцкого «о необходимости добить Колчака». **Конечно, это первая необходимость, и не только для Троцкого, но и для всех, которые ради гибели «проклятого прошлого» готовы на гибель хоть половины русского народа** [3].*

Иногда выражения такого типа включают риторический вопрос: *И только в старых музеях бывшей России дремали старые полотна больших русских мастеров, полотна, увы, почти все сплошь «контрреволюционные». **Разве не контрреволюционные аристократические портреты Брюллова, напыщенный жизнью добродушный жанр Федотова, раздольные картины изобильных и беспечных русских базаров и ярмарок?** [20]; Дры. срчо. мрча. Влы. Взял пше. / Ну разве не декретно? [5].*

Писатели активно пользуются **приёмом иронической маски**. Поскольку ирония — это мистификация, притворство, иронизирующий, как правило, временно надевает на себя маску. Наиболее частотны следующие маски:

Маска сочувствующего (когда нет ни тени сочувствия, поскольку нет оснований

для этого): **Бедная советская власть!** Не только тюрьмы, не только водка, литература, табак, бюрократия и канализация — даже ребусы были в дооктябрьские времена лучше и не носили на себе такого угрюмо каторжного клейма «нового мира» [20].

Маска наивного и доверчивого человека: *А кто мне указ? Набрал побольше тёплого воздуха в лёгкие и бодро зашагал в Зоологический сад — как птица, я свободен в пределах Петроградской коммуны [1]; Курицын, приютивший меня в клопной комнате, высматривал квартиры и доносил в какое-то военное учреждение, и квартиры реквизируют, такая его должность [15]; Самая красная газета «Пламя» печатает научную статью: «Говорят, будто в городе Тихвин от коммуниста с коммунисткой родился ребёнок с собачьей головой и пятью ногами...» [13].*

Маска восторженного человека: *В комнате тихо (нынче что-то мало стреляют), мирно горит покрытая голубым колпачком лампа над головой. Спасибо рабочим электрической станции, дай им Бог доброго здоровья за то, что они освещают мне страницы Диккенса [1].*

Маска подлого человека (подлость оценивается как милая шутка, как остроумное поведение): *Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались дочь и сын 17-ти лет. На днях сына потребовали во «Всеобуч». Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотом объявил (шутники эти комиссары!) — «А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили!» [6].*

Маска самоуверенного человека: *Прочитав в «Красной газете», что ленинградский совет собирается переименовать ещё 300 улиц, площадей, мостов и прочих городских принадлежностей, вношу свою лепту как сознательный младший полотёр совпосольства в Париже [20]; Безработным сменовеховцем А. Дроздовым внесён в Академию Краснаук проект нового упрощения правописания путём уничтожения букв «е» и «ь», а также вопросительного*

и восклицательного знаков, как выражающих сомнение, вопрос, удивление и негодование [20].

Ирония часто бывает основана на приеме **преуменьшения явно отрицательной характеристики:** *В сельской школе Блюхер «проучился всего полтора месяца». Для полководца маловато, но ничего не поделаться [8]; Слесарь признался, что как его посадили за стол [предложили должность председателя ревтрибунала — М.П.] — он даже обомлел. Слышал — есть английские законы, есть французские, а он ни английских, ни французских, ни русских — ну просто ничегошеньки! Неловкое дело. Ну, для нашего правления — и слесарь управит. «Рабочее» правление [6].*

Иронический эффект достигается в результате **совмещения газетной фразеологии с разговорно-бытовым контекстом:** *После недельного плена в четырёх стенах я вышел из дому, куда наотмашь швыряя двери, уже три раза врывались в поисках врагов и оружия ватаги «борцов за светлое будущее», совершенно шальных от победы, самогонки и архискотской ненависти [3]; Зал Таврического дворца наполнил камеру уголовной тюрьмы. Дворец был заполнен революционным народом: густо висела площадная матерная брань; по залам ходили пьяные матросы и солдаты в заломленных набекрень папахах, лузгали, поплёвывая, семечки. Революционный народ был нетрезв [8]; Рабочий день, восьмичасовой, закончен, и ни за что не отвечаю, благодать! Табак дают, водку из картошки гоним, поворываем... Круговая порука! Деревня ворует яблоки и вишни, бабы молоко, мы баб, сыровар всё ворует, заведующий грабит сыровара — полное равноправие! [21].*

Ироническую функцию выполняют своеобразные конструкции с приложениями, в которых определяемые и определяющие — это разнополюсные оценки: *Рядом со мной стоял и ел редьку один из тех, что «крепко держит в мозолистых руках красное знамя всемирной коммунистической революции», мужик из-под Одессы [3]; Газеты продолжают взду-*

вать «подъём обороны Советской Республики», но это полный вздор: достаточно взглянуть на жалкую, сборную рвань — «доблестную красную армию» [4]; Против наших окон стоит босяк с винтовкой на верёвке через плечо, — «красный милиционер» [3].

Распространен в эмигрантских текстах приём **иронического поощрения**, облечённого в форму совета, особенно активно его использует З. Гиппиус: *Держайте же, московские, рязанские, воронежские и все великоросские футуристы! Несите ваш язык через луначарские головы, прямо к высочайшим стопам. Там вас поймут — должны понять. Долой язык каледино-керенско-кадетско-буржуино-пушкино-контр-революционно-русский — «умный», да здравствует наш, — «заумный»!* [5]; *Завтра наша властвующая Сволочь устраивает демонстрации «правительства» и «торжествующего народа», «ликующих подданных»... Стекайтесь, серые обезьяны, несите ваш звериный лес знамён!* [4].

Менее частотным является приём **иронического сравнения**: *Смесь раешника с частушкой, / Барабана с пьяной пушкой, — / Красный бард из полпивной, / Гениальный, как оглобля...* [19].

Таким образом, ирония в творчестве писателей-эмигрантов 1-й волны является одним из главных проявлений критической оценки революции и ее деятелей. Она представлена большим разнообразием приемов, которые были рассмотрены в этой статье.

Список литературы:

1. Аверченко А.Т. Новые люди глазами юмориста / А.Т. Аверченко // Вопросы литературы. — 1991. — № 3. — С. 224–236.
2. Аверченко А.Т. Трава, примятая сапогом. — М.: Дружба народов, 1991. — 400 с.
3. Бунин И.А. Окаянные дни. — М.: Современник, 1991. — 225 с.
4. Гиппиус З.Н. Дневники: в 2 кн. Кн. 1. — М.: НПК «Интелвак», 1999. — 736 с.
5. Гиппиус З.Н. «Люди и нелюди» // Литературное обозрение. — 1992. — № 1.

6. Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. 1914–1919. — Нью-Йорк–Москва, 1990. — 318 с.

7. Грановская Л.М. Русский язык в «расеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. — М.: ИРЯЗ, 1995. — 176 с.

8. Гуль Р.Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. — М.: Мол. гвардия, 1990. — 254 с.

9. Ермакова О.П. Ирония и её роль в жизни языка. — Калуга: Издательство КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. — 204 с.

10. Зайцев Б.К. Земная печаль: из 6 книг. — Л.: Лениздат, 1990. — 496 с.

11. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. — М.: Русская книга, 2000. — 560 с.

12. Иванов Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. — М.: Согласие, 1994. — 720 с.

13. Литература русского зарубежья: Антология: в 6 т. — М.: Книга, 1990. — 431 с.

14. Пчелинцева М.А. Метаязыковая рефлексия над языком революции в творчестве русских писателей-эмигрантов 1-й волны // Прогрессивные технологии в обучении и производстве: материалы IV Всероссийской конференции, г. Камышин, 18–20 октября 2006 г.: В 4 т. Т. 4. — Волгоград, 2006. — С. 67–72.

15. Ремизов А.М. Взвихренная Русь. — М.: Советский писатель, 1991. — 544 с.

16. Ремизов А.М. Москва Алексея Ремизова. — М.: Кстати, 1996. — 280 с.

17. Скребнев Ю.М. Ирония // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. — С. 159.

18. Тэффи Н.А. Житьё-бытьё: Рассказы. Воспоминания. — М.: Политиздат, 1991. — 445 с.

19. Чёрный С. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932. — М.: Эллис Лак, 1996. — 496 с.

20. Чёрный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904–1932. Сагира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе. — М.: Эллис Лак, 1996. — 480 с.

21. Шмелёв И.С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. — М.: Русская книга, 1999. — 592 с.

**IRONY AS A FORM OF LINGUISTIC ESTIMATION
IN THE CREATIVE WORK OF RUSSIAN WRITERS-EMIGRANTS****Ptchelinseva M. A.**

*Kamyshin technological institute (branch) of the state educational establishment
of higher professional education "Volgograd state technical university", Kamyshin,
Pchela.76@mail.ru*

The most characteristic ironical devices as the means of showing the critical estimation of the revolution and its revolutionaries are depicted on the material of fiction books, publicist, letters, memoirs of Russian writers — emigrants of the first wave.

Keywords: Reflexion, irony, linguistic game.